

го оптического стекла, производство которого в России лишь начиналось. В декабре 1915 отдел изготовил 800 зрительных труб 5-кратного увеличения ночного видения, причем сделал их впервые. Со стороны ГАУ Военного министерства О. з. был получен заказ на изготовление 8 тыс. полевых биноклей.

За 1915 число рабочих на О. з. выросло до 9800 чел., и дальнейшее увеличение числа мастеровых было не возможно вследствие отсутствия свободных помещений в ближайших к заводу поселениях. 23.11.1915 высочайшим указом было предоставлено право освобождать жилые помещения вблизи завода, в порядке принудительного постоя, для размещения лиц, работавших на заводе. Это мероприятие, коснувшееся в первую очередь колоний, заселенных лицами немецкого происхождения, было направлено на то, чтобы еще более «усилить работы и развить их до возможного предела». Число рабочих, занятых на заводе, к концу 1916 достигло почти 12 тыс. чел. Вновь принятые рабочие частью были заняты работой в новых мастерских, частью же усилили ночные смены.

Осенью 1916 в связи с кризисом топливного снабжения и ростом перебоев в работе транспорта Морское министерство рассматривало возможность эвакуации О. з. на производственные площадки секвестированного Царицынского оружейного завода бывшего Русского акционерного общества артиллерийских заводов. В течение 1917 намечавшаяся эвакуация О. з. не состоялась. 28.12.1917 для О. з. была утверждена краткосрочная беспроцентная ссуда в размере 5 млн руб. «в счет увеличения расценок по заказам Морского ведомства».

Источники: Всеподданнейший отчет Морского министерства за 1914 г. С. 285, 287; Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1914 г. С. VIII, 77, 112; То же за 1915 год. С. 84, 113–115; То же за 1916 год. С. 127–130, 88–89, 90–92; Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 год. Т. II. М., 1978. С. 254, 286; То же. 8 ноября 1917–16 марта 1918 г. М., 1980. Т. I. С. 139; Военная промышленность России в начале XX века: Сборник документов. М., 2004. С. 407.

Лит.: [Каптерев Н. А.] Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1913. С. 72–76, 66, 68–69, 70–71, 74, 52–54, 57, 58; Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 2. С. 119–120, 121, 153, 166–169; Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии 1900–1917 гг. Т. II. М., 1949. С. 157–158; Генерал В. С. Михайлов. 1875–1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 184–185.

А. В. Орлов.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. «Вторая Отечественная война» стала вехой в истории О. м. России, представители которой (философы, богословы, ученые, писатели) при всех политических и мировоззренческих разногласиях совместными усилиями внесли значительный вклад в постижение сущности войны и апологию мира. На основании анализа происходящего они определяли место России в европейском культурном ландшафте, выявляли типы культуры в геополитическом контексте, а темы патриотизма, интернационализма, национализма, милитаризма и пацифизма развивались в контексте историософской проблематики.

Начало 1-й мировой войны было отмечено всплеском патриотизма, на какое-то время объединившим даже тех, кто имел политические расхождения или академические разногласия. При этом часть сообщества демонстрировала шапкозакидательские настроения, как например Совет Казанского университета, в постановлении которого от 28.7.1914 выражалась надежда, что война может закончиться победой России к 1 сентября. В 1915 ректор Московского университета историк М. К. Любавский и декан историко-филологического факультета Юрьевского (Дерптского) университета М. Н. Кра-

шенинников выступили с инициативой перед профессорами русской истории устроить чествование Николая II. Специальный комитет разработал план торжества и возбудил ходатайство о созыве раз в 5-летие русских исторических съездов имени императора как покровителя отечественной истории (первый такой съезд задумали провести в 1919 в Москве). Патриотизм, приобретающий верноподданнически-шовинистические тона, захватил как ученое сословие в целом, так и профессорско-преподавательскую корпорацию в частности, демонстрировавших первоначально безоговорочное принятие лозунга «война до победного конца» (июль–август 1914), и закончивших разочарованием, обусловленным неудачами на театре военных действий (весна–лето 1915). Война, заметил академик В. М. Бехтерев, застигла Россию «в момент раздробления ее общественных сил на племенные, политические и социально-экономические группы, внутри которых также не имелось единства». Но столкновение с Германией пробудило «парализованную» прежде народную энергию и дало толчок общественной жизни с ее новыми моральными ценностями в виде стремления общественных кругов «к объединению с властью для достойного завершения войны», сплочения всех народов империи пред лицом опасности, сглаживания «вероисповедальной розни», повышения общественной и личностной значимости человеческой жизни (Бехтерев В. М. Моральные итоги великой мировой войны: Речь на торжественном заседании Психоневрологического института 2.2.1915. Пг., 1915. С. 4–5).

В этот раз реакция общественности существенно отличалась от той, которую она продемонстрировала десятилетие назад. Академик В. М. Бехтерев заметил, что если в период русско-японской войны 1904–05 из разных общественных кругов звучали резолюции против ведения войны в пользу скорейшего «заключения мира во что бы то ни стало, хотя бы даже с ущербом для интересов и достоинства России», то ныне совсем другая картина: клич «довести войну до победного конца» звучал почти во всех общественных организациях и съездах России» (Там же). Германия, как сторона, напавшая на Россию, ставилась заведомо в проигрышное положение. В. В. Розанов в книге «Война 1914 года и русское возрождение» (1915) отмечал, что войны завоевательные «нередко бывали нравственно разрушительны для победителя», а вот оборонительные всегда суть войны нравственно-воспитательные, поскольку они формируют дух народный, «сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его — ведут к жертве и героизму... Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же чертами у нас начинается великая война 14-го года» (Розанов В. В. Войны как великое воспитание // Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915). Также и прочие состояния общественного сознания в стане агрессора принимали отрицательное толкование. В центре внимания были патриотизм, дух нации, национализм. Так, князь Е. Н. Трубецкой противопоставил агрессивному германскому национализму прогрессивный русский патриотизм. В первом он видел только национальный эгоизм, который ведет лишь к угнетению всех тех, кто не принадлежит к господствовавшей национальности; в русском же патриотизме он отмечает чувство, объединявшее все народы империи, без презрения и ненависти к др. народам, присущих национализму. Трубецкой утверждал, что наш патриотизм — сверхнароден, и в этой войне Россия борется за права всех национальностей. В национальном вопросе, обострившемся теперь уже в контексте войны и применительно к семейству европейских народов, следует занимать такую позицию, которая исключала бы как космополитизм, так и национализм [Трубецкой Е. Н. Патриотизм против национализма // Русские ведомости. 1914. 2(15) августа].

Как отметил на заседании Религиозно-философского общества в Петрограде (21.12.1914) С. М. Соловьев в докладе «О современном патриотизме», это явление положительное, но «патриотизм может принести дурные плоды, если он останется самодовлеющим, если национальная идея не подчинится высшей, религиозной идее». В первые месяцы войны патриотизм нередко приобретал воинственные формы и среди интеллигенции. 1.9.1914 профессор Петроградского университета А. С. Догель в порицание «варваров 20 в. — германцев», совершивших преступления против культуры, призвал коллег не печатать научных трудов на немецком языке и в немецких изданиях, а также отказаться «от поддержки германской промышленности» и впредь не закупать в Германии научные приборы и реактивы. Со стороны др. профессора — А. Говорова — прозвучал призыв даже отменить рождественскую елку, поскольку она исходит от немцев [см.: Происхождение рождественской елки // Камско-Волжская речь. 1914. 3(16) декабря. С. 4]. Догель также поставил вопрос об исключении из состава почетных членов университета тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку». И хотя Совет постановил, что отношение к предложениям профессора Догеля — дело «совести каждого», идея получила развитие: 24.11.1914 профессорская коллегия Петроградского университета исключила из числа своих почетных членов профессора Берлинского университета Ф. фон Листа. Это решение было принято на основании законодательного постановления Совета министров от 31.10.1914 об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений всех германских подданных. Из состава почетных членов Московского университета и состоявших при нем научных обществ были исключены около 70 подданных Германии. В числе первых 5.12.1914 был исключен профессор философии из Лейпцига В. Вундт, подписавший известное воззвание немецких ученых «К культурному миру». Совет профессоров Казанского университета единогласно отменил празднование 100-летнего юбилея и отложил подготовку дипломов почетных членов лицам германского и австрийского подданства. Казанский университет вынужден был исключить 8 почетных членов, 7 из которых утвердили накануне [см.: В учебных заведениях // Новое время. 1914. 12(25) декабря; К исключению подданных воюющих держав: (Беседа с ректором Университета, проф. Э. Д. Гриммом) // День. 1914. 10(23) декабря; А. О. Исключение ученых неприятельских держав // Там же. 1914. 12(25) декабря]. Гнев обрушился не только на правительство Германии, ее армию, но и на народ. «За то, что произошло в связи с объявлением войны в Германии ответственна вся нация в целом, вся ее культура, весь ее быт», — утверждал профессор Петроградского университета Э. Д. Гримм (см.: Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8—9). Законом от 24.12.1914 запрещался немецкий язык как язык преподавания в начальных школах немцев-колонистов; он также был запрещен для употребления в общественных местах, в рекламе и делопроизводстве. С 5.11.1914 в университетах запрещалось выполнение дипломных проектов на иностранных языках; работы, составленные не на русском языке, возвращались без рассмотрения. Особенно остро встал вопрос о дальнейшей судьбе Юрьевского (Дерптского) университета и его богословского факультета, на котором преподавание велось на немецком языке. В 1915 на основании доклада академика А. И. Соболевского Главный совет общества «За Россию» выступил с требованием о введении на факультете преподавания «на понятном для всех русском языке» и о перенесении факультета в центр России, например, в Сергиев Посад. Однако не все представители академического сообщества были в угае. Историк М. М. Богословский запи-

сал 7.8.1915 в своем дневнике: «У нас можно разрешить какие угодно вопросы: польский, еврейский, армянский, но немецкого не разрешить: до такой степени за двести с лишним лет немцы вошли в нашу жизнь и слились с нами. Немецкие фамилии у нас среди интеллигентного круга на каждом шагу» (Богословский М. М. Дневники. 1913—1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011).

По ту сторону фронта академические круги также были в патриотическом и националистическом угае, переходившем в шовинизм. В Германии 4.10.1914 было опубликовано воззвание 93 крупнейших немецких ученых, озаглавленное «К культурному миру». Его авторы (среди них философы Р. Эйкен, В. Виндельбанд, В. Вундт, богослов А. фон Гарнак, филолог У. фон Виламовиц-Меллендорф, естествоиспытатели М. Планк, В. Рентген, А. фон Байер, Э. Геккель и др.), опровергая обвинения в нарушении нейтралитета Бельгии, в преднамеренном артиллерийском обстреле г. Лувен и его университета, утверждали, что это всего лишь акт возмездия жителям, нападающим из-за угла на немецких солдат. Воевавшие против Германии государства объявлялись злейшими врагами немецкой культуры, а германский милитаризм — ее защитником. «Без нашего милитаризма, — писали авторы воззвания, — немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий» [см.: Две культуры: (к философии нынешней войны). Пг., 1916. Прил.: Манифесты: 93 представителей германской науки философии и искусства и германских университетов]. Хотя авторы этого воззвания хотели оправдаться перед мировым сообществом, однако их обращение стало для общественного мнения демонстрацией шовинизма, вызвавшей осуждения и проклятия. Б. В. Яковенко в письме к Г. Г. Шпету (от 13.11.1914) признавался, что «никогда не предполагал, чтобы интеллигентные люди могли пасть (умственно и нравственно) так низко в общечеловеческом смысле... Если так, то и, слава Богу, что ее — Германию — разнесут теперь в пух и прах. Таких людей, такого добра, такой цивилизации — человечеству не надо». В опубликованном 28.9.1914 в «Русских ведомостях» обращении от имени российских писателей, художников и артистов поддерживалась необходимость обуздания германской жестокости праведной силой, при этом авторы указывали на опасность поддаться соблазну мести: «Уже прорастает широко брошенное ее рукой семя национальной гордыни и ненависти; пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом... и отрекающихся от всего великого и прекрасного, что было создано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей» (см.: Русские ведомости. 1914. 28 сентября; От писателей, художников и артистов // Вестник воспитания. 1914. № 7. С. 6). Это воззвание подписали А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, К. С. Станиславский, Е. Б. Вахтангов, Ф. Е. Корш, А. И. Кизеветтер, Л. М. Лопатин, В. М. Фриче, П. Б. Струве, М. И. Ростовцев, П. Н. Сакулин и многие другие, всего около 1 тыс. чел.

Воззвание 93 немецких ученых спровоцировало ответ от имени профессорско-преподавательского состава высшей школы России, составленный Советом Петроградского университета. Здесь было осуждение Германии в нарушении мира «в целях утверждения своей политической, военной и экономической гегемонии в Европе». Немецкой нации предъявлялось обвинение в жестокостях не только к бельгийцам, но и к сотням тысяч русских, оказавшихся за границей. Российские профессора порицали немецких коллег за аполо-

гию милитаризма — этого врага не только европейской, но и германской культуры, поскольку он «успел уже оказать свое губительное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты стал сменяться с некоторых пор культом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм» (см.: Протест Университета // Вестник Европы. 1914. № 12). «Ответ германским ученым», подписанный 166 представителями университетской общности Петрограда и Москвы, появился во 2-й половине декабря 1914 [см.: День. 1914. 21 декабря; Протест представителей русской науки против неправомерного ведения войны Германией и Австро-Венгрией // Новое время. 1914. 21 ноября (4 декабря)]. Под этим документом подписались Р. Ю. Виппер, Э. Д. Гримм, С. А. Жебелев, Ф. Ф. Зелинский, Л. П. Карсавин, Н. Я. Марр, М. М. Богословский, С. Ф. Платонов, М. И. Ростовцев, А. Н. Савин, Б. А. Тураев и др. Ученый совет Казанского университета в начале 1915 также принял ответный меморандум, обращенный к немецким ученым (см.: Ответ германским ученым // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2). Но были и те, кто уклонился от подписаний. По свидетельству петербургского ученого Н. П. Анциферова, от подписания манифеста, на что требовалась немалая личная храбрость в готовности пойти наперекор мнению большинства своего «цеха», отказались Л. И. Петражицкий и Н. И. Кареев (см.: Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1994. С. 136).

Ресурсы периодической печати концентрировались на основном направлении — формировании образа врага (см.: Черная книга германских зверств / Под ред. и со вступит. ст. М. В. Головинского. СПб., 1914). В этом процессе активную роль играли и интеллектуалы. На заседании «Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева» в Москве В. Ф. Эрн представлял его следующим образом: «Но вот налетает война. Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные, кроважадные когти. Лик “народа философов” исказился звериной жестокостью» (Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116). В другом месте Эрн переходит от метафор к фактам, ставящим под сомнение, что Германия представляет культуру Европы: «...ужасы, зверства, бессмысленные массовые расстрелы, разрывные пули, предательское злоупотребление белым флагом, приканчивание пленных, сжигание казаков живыми, калечение бельгийских детей, насильствие женщин, систематические грабежи, метание бомб в беззащитные толпы горожан, отравление колодцев, допросы пленных с пытками, сокрушение огнем и мечом величайших памятников культуры — все это тоже Европа, тоже проявление ее исторической сущности?» (Эрн В. Ф. Время славянофильствует: Война, Германия, Европа и Россия. 1915 г.: Лекция 1-я. М., 1915. Серия «Война и культура»). Затем вновь его речь становится насыщенной образами: «Поверх всех ужасов физических на духовном экране всечеловеческого сознания вырисовалось... наглое рыльце прусского лейтенанта. На нем все лоснится и светится от бесконечной самоуверенности. С головы до ног и от каски до глубины мозгов, до последней сердечной мысли в нем, все made in Germany» (Там же; см. также: Эрн В. Ф. Спор о германской культуре (в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева в Москве) // Утро России. 1915. № 31. С. 4).

Всплеск патриотизма сопровождался ростом национализма, восприятие войны происходило в контексте противопоставления германства и славянства, обращения к образу «Святой Руси». Совет профессоров Петроградского университета в адресе на имя императора Николая II (от 29.7.1914) заверял, что вместе с царем они горят стремлением служить «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства». В сво-

их исследованиях историк М. К. Любавский стремился показать, что борьба славян с германской агрессией имеет глубокие исторические корни, и что у славян всегда было два врага: туранство (в лице Османской империи) и германство. Борьба с Германией виделась ему как исторический долг «славянского колосса» — России. Именно она, «столп и утверждение славян», должна помочь им одолеть врага, который угрожает самому их существованию» (Любавский М. К. Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3. С. 5–19). «Центр и мощь славянства» России видел и А. С. Изгоев (см.: Изгоев А. С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 165), а В. Ф. Эрн заявлял, что «время славянофильствует» (см. название его книги). Однако князь Е. Н. Трубецкой, напротив, полагал, что «славянофильские формулы времен турецкой войны» не соответствовали историческому моменту, и более приемлемой для России считал «сверхнациональную, универсальную» задачу «политического возрождения всех поработенных национальностей». Их будущее он видел в том, чтобы играть роль «сторожевых постов против Германии» (Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12). Сверхнародный, сверхпартийный смысл настоящей войны — вот что, по мнению Трубецкого, составляет силу России, славян и их союзников. Д. С. Мережковский в заседании «Религиозно-философского общества» в Петрограде (26.10.1914) отмечал, что в настоящей войне происходит «торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”». Вот почему исконная задача русской общности — борьба с национализмом — сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо» (см. его доклад «О религиозной лжи национализма»: Записки петроградского Религиозно-философского общества. 1914–1915. Пг., 1916. В. VI. С. 8–14). К подобному восприятию склонен был и Н. А. Бердяев. Прочитав брошюру В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», он отметил, что эта работа «свидетельствует о возрождении славянофильства», однако после В. С. Соловьева нет уже возврата к старому славянофильству, и еще более, чем мыслью, «опровергнуты славянофильские зады жизнью... Я думаю, что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни... Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднит и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом» (Бердяев Н. А. О «вечно-бабьем» в русской душе // Биржевые ведомости. 1915. 14, 15 января). Но ему энергично возражал В. Ф. Эрн, отражая нападки на славянофильство, которому, как он полагал, не могут простить того, что «оно воскресает; больше того, воскресает в новых, неожиданных, непредвиденных критикой формах», и это вызывает негодование в самых различных людях, и в негодовании этом «шестидесятник А. Кизиветтер встречается с самым авангардным мистиком Н. Бердяевым», статья которого «О вечно бабьем в русской душе» пример «кавалерийского наезда» (Эрн В. Ф. Налет Валькирий // Биржевые ведомости. 1915. 30 января).

Война получила всестороннее отражение в творчестве писателей, поэтов, литературных критиков (см., например: Арабажин К. И. Литература и война // Голос жизни. 1914. № 3; Гиппиус З. Н. Война, литература, театр // Чего ждет Россия от войны? Сб. статей. М., 1915; Филосовов Д. Крикуны и молчалиники // Голос жизни. 1914. № 10; Сычев А. Война и литература // На берегах Невы. 1915. № 2; Иванов Г. И. Обзоры военной поэзии // Аполлон. 1914.

№ 8; 1915. № 1, 3, 8–9; Колтановская Е. Война и писатели. О писательской психологии // Русская мысль. 1914. Кн. 12; Русская литература о войне 1914 года. М., 1915; Тугенхольд Я. Проблемы войны и мира в современном искусстве. М., 1916; и многие другие). Военное положение изменило характер повседневной деятельности интеллигенции, жизнь утратила чисто академическую направленность. Хотя преподаватели гуманитарных наук высших учебных заведений в меньшей степени, чем естественники и инженеры, были втянуты в мобилизационные действия, но и они внесли свой вклад в дело обороны Отечества. Это отражается в посвященных военной теме исследованиях по истории, философии, в подготовке тематических сборников статей, публичных лекциях, деятельности научных обществ, агитировавших за помощь фронту. Появились различные тематические сборники. Например, сборник «Вопросы мировой войны» (1915), подготовленный М. И. Туган-Барановским, представлял собой компендиум статей и выступлений профессоров российских высших школ относительно происходивших событий; в 1916–17 под редакцией М. М. Ковалевского выходил сборник научных статей «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (три выпуска из предполагавшихся четырех, среди авторов – А. Н. Веселовский, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле и др.). Профессора и преподаватели историко-филологического факультета Петроградского университета в 1915 участвовали в сборниках статей «Немецкое зло», «Великая война», «История великой войны», «Вопросы мировой войны» (В. А. Бутенко, И. А. Шляпкин, С. И. Гессен). Н. А. Бердяев и В. Ф. Эрн в Москве приурочили к Первой мировой войне сборники статей «Судьба России» (1915) и «Меч и крест» (1915), куда вошли размышления на самые разные темы. Появилась также серия книг «Война и культура», издававшаяся в 1915–16, где свои статьи в виде брошюр опубликовали многие известные русские мыслители, например, И. А. Ильин (см.: Ильин И. А. Духовный смысл войны. М., 1915). В 1915 на историко-филологическом факультете Московского университета разрабатывались актуальные темы, такие как «Англо-русское сближение», «Английское общественное мнение о войне» (А. Н. Савин); на юридическом факультете – «Балканские тревоги», «Война и германская политика» (профессор С. А. Котляревский), «Война, германские синдикаты, русский экспорт и экономическое изолирование Германии», «Война, русско-германский торговый договор и следует ли России быть колонией Германии», «Немецкое иго и освободительная война», «Идея парламентаризма и германская политика» и др. В 1915 преподаватели Московского университета прочитали такие публичные лекции, как «Старая и новая Германия» (Р. Ю. Виппер), «Война за цивилизацию и право» (Покровский), «Военный плен и международное право» (А. Л. Байков), «Духовный смысл войны» (И. А. Ильин). Петроградский университет в 1915 организовал публичные лекции «Идея нации» (С. И. Гессен), «Война и биология», «Война и право». Желая послужить Отечеству в своем профессиональном качестве, Е. Н. Трубецкой в ноябре–декабре 1914 вместе с И. А. Ильиным совершил поездку по российским городам (Саратов, Воронеж, Курск, Харьков), где выступил с публичными благотворительными лекциями, сбор от которых пошел на помощь Всероссийскому союзу городов и разоренному войной населению Царства Польского (лекции: «Война и мировая задача России», «Отечественная война и ее духовный смысл», «Национальный вопрос, Константинополь и святая София»). С лекцией «Лик России. Великая война и русское призвание» выступил в 1914–16 в Москве, Костроме, Рыбинске и др. городах С. Н. Дурылин. Помощь фронту осуществлялась даже в формате музейной работы – в 1915 Общество истории и этнографии Казанского универси-

тета открыло «Музей современной войны» (подробнее см.: Русская мысль. 1915. № 4. С. 160).

Тема войны поднималась интеллектуалами в публикациях в периодике, где они выражали свое отношение к происходившим событиям в стане союзников и противников, делились впечатлениями от поездок в прифронтовую полосу [например, в январе 1916 состоялась поездка Н. О. Лосского на фронт в район Двинска (ныне Даугавпилс, Латвия) с делегацией Союза профессоров петроградских гимназий для раздачи рождественских подарков], в частной переписке, в выступлениях в профессиональных сообществах [«Московское религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева», Религиозно-философское общество в Петрограде (заседание 5.2.1915: С. И. Гессен, доклад «Идея нации»; прения: Д. Д. Муретов, Н. В. Болдырев; заседание 8.3.1915: Г. А. Василевский, доклад «Винувата ли германская культура?»; прения: А. А. Мейер, Д. В. Философов, Д. С. Мережковский; заседание 21.12.1914: С. М. Соловьев, доклад «О современном патриотизме»; заседание 26.10.1914: Д. С. Мережковский, доклад «О религиозной лжи национализма»; заседание 5.11.1914: З. Н. Гиппиус, доклад «История в христианстве»]. 6.10.1914 в Большой аудитории Политехнического музея состоялось открытое заседание Московского религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, посвященное начавшейся войне. С докладами выступали С. А. Рачинский («Братство и свобода»), Е. Н. Трубецкой («Война и мировая задача России»), Вяч. И. Иванов («Вселенское дело»), С. Н. Булгаков («Русские думы»), В. Ф. Эрн («От Канта к Круппу»). В связи с этим событием Эрн писал жене в Тифлис (7.10.1914): «От себя могу сказать, что заседание вышло необыкновенно удачным. Из наших речей вышел чрезвычайно сильный букет... Народу было более тысячи человек. На улице, на лестницах стояли толпы людей, не получившие билетов». Однако не все докладчики были согласны друг с другом. Особую полемику вызвало выступление Эрна. О своей речи он сообщал жене, что это «настоящая „мина“ под всю германскую культуру» (письмо от 28.9.1914). «Моя речь», – заявил Эрн во время выступления, – самый страстный протест против этого упрощенного понимания всемирной истории... Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предпрещено Аналитикой Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа». Для разъяснения своей позиции Эрну пришлось выступить еще несколько раз в более узком кругу – на закрытых заседаниях общества (доклады «О нашем отношении к германской культуре» и «Сущность немецкого феноменализма»), на одном из которых его оппонентом был И. А. Ильин.

Среди главных тем для дискуссий тех лет – выявление «смысла войны». Н. А. Бердяев с иронией замечает, что «славянофильство возродила война, и в этом – основной смысл войны» (см. его ст. «О „вечно-бабьем“ в русской душе»). Многие философы, непременно указывая на отрицательный характер войны, все же пытались найти в ней и положительные моменты, используя диалектические приемы, характерные для В. С. Соловьева, который в «Оправдании добра» (1894–97) и в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900), признав войну злом, усмотрел ее положительный смысл в том, что она ведет к «политическому объединению человечества». В работе его последователя князя Е. Н. Трубецкого «Смысл войны» (М., 1914), где были объединены его статьи, напечатанные в газете «Русские ведомости», война мыслится в контексте коллективной рефлексии. Смысл войны Трубецкой видел в том, что Россия совершила

огромный шаг в самосознании. По мнению Трубецкого, благодаря великой европейской войне «нас как-то глубже захватывает и красота русской природы, и наша своеобразная мелодия, и вся вообще духовная глубина русского искусства» и, что наиболее важно, все «прежде отрывочные переживания и впечатления связываются во единый, целостный образ России», при этом «в нас повышается чувство бесконечной ценности всего того индивидуального, незаменимого, единственного в своем роде, что есть в этом лике народном». И в этом новом мироощущении заключается одно из наиболее ясных откровений духовного смысла настоящей войны (см. «Отечественная война и ее духовный смысл»). Бердяев, который по его признанию «пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революцией в России, малую и большую» (см.: Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж, 1949), много внимания уделял «психологии войны», поскольку именно в ней «следует искать разгадку психологии народных масс, она является самым сильным опровержением рационалистического обоснования общественности» [см.: Бердяев Н. А. Философия неравенства: (Письма к недругам по социальной философии). Берлин, 1923]. Свои суждения относительно психологии войны и ее смысла он свел воедино в сборнике статей «Судьба России» (1918), с характерными заголовками. При этом, по словам Бердяева, «не о нынешней войне хочу я говорить, а о всякой войне. Что являет собою война? Как философски осмыслить войну?» (Бердяев Н. А. Мысли о природе войны // Биржевые ведомости. 1915. 26 июня).

Необычайный патриотический подъем вызвала война у И. А. Ильина, откликнувшегося статьями, брошюрами, лекциями и выступлениями. 13.12.1914 он прочитал доклад «Об основном нравственном противоречии войны», а позднее выступил с публичной лекцией «О духовном смысле войны» (1915). Как полагал Ильин, духовный смысл войны заключается в том, что она «несет людям и народам духовное испытание и духовный суд». Великий народ, т. е. духовно творческий народ, должен воевать, оставаясь на духовной высоте. «Пусть же будет воинственный подъем, — писал Ильин, — но не озлобление и не ненависть и не уличные погромы, пусть будет бесстрашие, но не презрение к врагу, ...не месть, не жестокость и не корыстная травля». Свои соображения на эту тему представил и С. Л. Франк (см.: Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12). А вот Л. Шестов, подводя итоги войны, в 1923 настаивал на том, что «чтобы понять войну — нужно себе сказать, что она не имеет ровно никакого смысла, что она есть вопиющая бессмыслица» [см.: Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей). Берлин, 1923].

Гуманитарии в целом, и философы в частности, сосредоточились на изучении международного положения воюющих стран, текущих военных событий, состояния экономики, на исследовании причин и характера Первой мировой войны (см.: Кареев Н. И. О происхождении и значении теперешней войны // Речь. 1916. № 3; Сорокин П. А. Причины войны и пути к миру. Пг., 1917; и др.). Со стороны некоторых ученых предпринимались попытки обосновать историческую предопределенность агрессивности германцев. «В германской культуре прошлого и настоящего есть немало образов этого высокомерного и вообще недолжного отношения к другим народностям и культурам», — отмечал, в частности, князь Е. Н. Трубецкой (Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12). Историки обращались к изучению немецкой историографии и находили, что нигде агрессивность Германии «не проявляется так ясно, так рельефно, как в немецкой исторической науке» (см.: Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историче-

ская наука: Идеология реваншизма // Русская мысль. 1915. № 2). Это отмечено было и в одном из заседаний Религиозно-философского общества в Петрограде (21.12.1914) в выступлении С. М. Соловьева: «Историческая наука Германии развивалась в тесной связи с политическими судьбами самой Германии. Политика Бисмарка, — беспощадный империализм и милитаризм, — нашла свои отголоски в римской истории Момсена, в культе Цезаря, в несправедливом отношении к республиканцам: Цицерону, Катону и Помпею... Так росло в германской науке то языческое, государственно-зверское мировоззрение, которое дало Вильгельма и его политику» (Соловьев С. М. О современном патриотизме // Записки петроградского Религиозно-философского общества. 1914—1915. Пг., 1916. В. VI. С. 68—74). Другие находили признаки зла в географической литературе, показывая, насколько захватнические прогнозы немецких географов реализовались в текущей войне (см.: Анучин Д. Н. Предположение и действительность // Русские ведомости. 1914. № 190).

Большинство рассуждавших о сути войны были сосредоточены на Германии. Из всего военно-политического блока государств, противостоявших державам «дружественного соглашения» (Антанте) в 1-й мировой войне, выделена была именно она, став основным объектом критики. На заседании петроградского Религиозно-философского общества 5.11.1914 М. И. Туган-Барановский в прениях после доклада З. Н. Гиппиус «История в христианстве» отмечал на поставленный им вопрос «Что объединяет Англию, Францию, Россию и Японию?», что, прежде всего, это вражда к Германии, что «центром войны» является Германия, и характеристикой войны «служат свойства самой Германии». Чтобы понять войну, следует понять, «что такое Германия, почему она вызвала такую жгучую ненависть в совершенно различных социальных группах», и ответ покажет, «почему война эта получила такое небывалое ожесточение, хотя ведется между культурными государствами Европы». Вина за военное столкновение держав возлагалась исключительно на Германию, ее правительство и германского императора Вильгельма II персонально, объясняя это даже его клиническим безумием. Этой теме уделил внимание В. М. Бехтерев, для которого кайзер — «лицо, в котором как в фокусе двояковыпуклой линзы собираются лучи германского милитаризма» (Бехтерев В. М. Вильгельм — дегенерат неронового типа. М., 1916. С. 7). По его мнению, хотя император Вильгельм не может быть признан душевнобольным человеком, но он не может быть назван и вполне здоровым. Бехтерев ссылаясь на авторитет Ч. Ломброзо, «знатока дегенеративных типов», который высказал «вполне правильное мнение о Вильгельме, как о маньяке и ясно выраженном дегенерате». Личность Вильгельма привлекла внимание Ломброзо своими речами, противоречивыми и непоследовательными, демонстрировавшими самомнение и самонадеянность. Сопоставляя эти речи с поступками и действиями Вильгельма, крайне непоследовательными, «с его поразительной неблагодарностью и с резко выраженными чертами вырождения, Ломброзо пришел в свое время к выводу, что на германском престоле восседает типичный дегенерат» (Там же. С. 40).

В процессе постижения сущности войны получил распространение тезис о сосуществовании «двух Германий» — с одной стороны, страны поэтов и философов, с другой, державы кровавого варварства и милитаризма. «Германия, — писал В. В. Розанов, — когда-то бывшая страной Гете и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государством “крови и железа”, по формуле и по зову Бисмарка, — но без всякого идеального, светоносного содержания» (см.: Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915). В статье «Религия германизма» (Биржевые ведомости.

1916. № 15608. 9 июня) Н. А. Бердяев отмечал наличие двух подходов: для одних не существует никакой связи между Германией старой (страной великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов) и Германией новой, страной «материалистической, милитаристической, индустриалистической, империалистической», поэтому для них связь между «немцем — романтиком и мечтателем» и «немцем — насильником и завоевателем» остается непонятой; для других же германский идеализм и должен был на практике проявиться в жажде мирового могущества и владычества, а потому, следуя логике В. Ф. Эрна, от философии Канта шла прямая линия к пушкам Круппа. И хотя вторая точка зрения не совсем объясняет всю сложность жизни, создавая упрощенную полемическую схему, но «в принципе она более правильная» [см.: Бердяев Н. А. Судьба России: Сб. статей (1914—1917). М., 1918]. Последнее замечание относилось к философу В. Ф. Эрну, вскрывшему в немецкой культуре четкую линию «от Канта к Круппу».

1-я мировая война изучалась всесторонне с первого до последнего дня ведения боевых действий, современники всматривались в происходящее с разных точек зрения [см.: Идейные горизонты мировой войны: Сб. статей. М., 1915; Кареев Н. И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны. Пг., 1915; Паршин А. М. Научная религия: (Война с естественнонаучной, религиозной точки зрения и перспективы человеческого будущего). М., 1917; и многие другие]. Война воспринималась интеллектуалами как столкновение миров, племен, рас. «Ныне разразилась, наконец, давно жданная мировая борьба славянской и германской расы», — отмечал Н. А. Бердяев. А для В. Ф. Эрна это был натиск на славян, «налет Валькирий». Для В. В. Розанова «исполин пошел на исполина», и его экспозиция была такова: «За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев — и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой» (см.: Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915). Историк М. К. Любавский в докладе о деятельности Московского университета по линии государственной обороны привел аналогию, отметив, что в случае поражения Россия попадет в зависимость хуже, чем при татарах. В речи перед гимназистами московской Медведниковской гимназии, где с 1914 он преподавал историю, Любавский нарисовал возможное будущее в случае поражения России от «тевтонской орды»: «Знайте, господа, что это новое иго во сто крат будут тяжелее прежнего ига, татарского. Татарин только грабил имущество русского человека, но оставлял в покое его душу; тевтон стремился пожрать не только материальное благосостояние других народов, но и их духовную индивидуальность» (Любавский М. К. Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3. С. 9). Аналогия между Германией и монгольскими завоевателями отмечена и в суждениях С. Л. Франка, который, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно переплелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого он назвал Германию, используя давнее сравнение А. И. Герцена, «Чингисханом с телеграфом» (Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10). Однако С. Н. Булгаков напомнил соотечественникам и о др. тенденции: «Никогда еще за свою историю, — отметил он, — Россия до такой степени не сближалась с Европой, столь тесно, так органически не входила в ее семью» (Булгаков С. Н. Русские думы: Речь, произнесенная в заседании Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Со-

ловьева 6 октября 1914 года // Русская мысль. 1914. № 12. С. 108—115).

Война воспринималась также и как столкновение двух стихий, как оппозиция «мужского» и «женского» начал. Это можно заметить даже в этнопсихологическом портрете В. Ф. Эрна, данного С. Н. Булгаковым. По его мнению, шведско-славянская двойственность, которая отличала Эрна, дает «сложную половую характеристику», а именно: «Начало волевой мужественности, соответствующее в нем шведской стихии, имеет само по себе подпочвенное сродство с германским женоненавистничеством, безженностью, небратскостью, насильничеством германского духа» (Булгаков С. Н. Памяти В. Ф. Эрна: Речь в заседании Московского религиозно-философского общества памяти В. Ф. Эрна 22.5.1917 // Христианская мысль. 1917. № 11—12). Тема была подхвачена Н. А. Бердяевым в книге «Судьба России: (Опыты по психологии войны и национальности)», где отмечалось, что русский народ не желает быть «мужественным строителем», поскольку его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он «всегда ждет жениха, мужа, властелина»; Россия — «земля покорная, женственная», а вот германская раса — «мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная» [см.: Бердяев Н. А. Психология русского народа // Бердяев Н. А. Судьба России: (Опыты по психологии войны и национальности). М., 1990]. Следует отметить попытки представить войну как противостояние конфессий, противоборство протестантского немецкого, католического французского и православного русского народов. Наряду с преобладанием историософской тематики в суждениях о войне, заметна и религиозная риторика, пронизывающая статьи и выступления. Начало было положено речью императора Николая II в Государственном совете и государственной думе после объявления войны, когда прозвучало: «Велик бог земли русской!». И далее интерпретация происходящего на полях сражений в контексте религиозного только усиливалась. В публичной лекции «Война и русское самосознание» (1915) С. Н. Булгаков заявил, что война означает новый и великий этап в истории русского самосознания, а именно — «освобождение русского духа от западнического идолопоклонничества, великое крушение кумиров, новую и великую свободу». Он заявил также, что весь мир ждет «русского слова, русского творчества, порыва, вдохновения», ему должна быть явлена «мощь русского духа, его религиозная глубина; царство “третьего Рима”». Булгаков призвал к тому, чтобы «явить ново-византийскую, русско-православную культуру христианского востока», и тогда «свершится полностью западно-восточного мира, сомкнется круг исторической цепи». В лекции «Лик России. Великая война и русское призвание», с чтением которой С. Н. Дурылин выступал в 1914—16 в Москве, Костроме, Рыбинске и др. городах, война оправдывалась провиденциальным предназначением России сберечь Православие, освободить славян и армян от гнета Австрии и Турции, а в книге «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (М., 1915) он говорил о «нашем единственном, но безмерном праве» на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времен Древней Руси.

В условиях войны состояние богословской науки воспринималось как катастрофическое. Так, в 1914 в газете «Петроградский курьер» появилась статья, где заявлялось, что отечественная богословская наука находится «в плену у немцев»; российские богословы ничего не создают нового и оригинального, все заимствуя у немецких теологов; православные авторы диссертаций преимущественно ссылаются на мнения немцев, причем «мнению последних придается большее значение, чем Священному Писанию»; а эти и мно-

гие другие факты «говорят об онемечивании нашей богословской науки и отсутствии своей чисто русской» (Онемечение богословской науки // Петроградский курьер. 1914. 19 декабря). В дальнейшем критика немецко-протестантского влияния в богословии только усилилась (см.: Вопрос о неметчине в русском богословии // Церковный вестник. 1915. № 2; Немецкое богословие и милитаризм // Там же. 1915. № 6; Освободительная война в русском богословии // Богословский вестник. 1915. № 9). В ряде публикаций указывалось, что русскому богословию, чтобы избавиться в исследовании Священного Писания от преобладания протестантского историко-критического метода, от тлетворного духа схоластики, необходимо встать на путь «опытного богопознания», когда личный опыт исследователя покоится на опыте святоотеческом, и приобщение себя «к этому сонму духовных отцов, хотя бы мыслию и настроением, есть главное условие для богословствования» (см., например: Богословский вестник. 1914. № 10–11. С. 216; Труды Киевской духовной академии. 1914. № 2. С. 8).

Современники полагали, что с началом войны бьются не просто государства, но и патронирующие их боги. Это было отмечено и в одном из заседаний Религиозно-философского общества в Петрограде (21.12.1914) в выступлении С. М. Соловьева, где германский император Вильгельм предстал не только как «бронированный кулак», но и как воплощение «большой идеи»: «Он считает себя орудием Божиим, наследником рыцарей меченосцев. Борьба с Германией получит высокий смысл и мировое значение, если Россия покажет себя в ней, как подлинная Христова Русь, Русь любви, жертвы и подвига. И она уже показала себя именно в этом смысле» (см.: Соловьев С. М. О современном патриотизме // Записки петроградского Религиозно-философского общества. 1914–1915. Пг., 1916. В. VI. С. 68–74). В своей работе с примечательным названием «Меч и крест» В. Ф. Эрн отмечал, что для России меч — служение, а над ним, как святость, крест, и потому русское воинство, «светлое, бесстрашное», есть прежде всего «духовная сила» (Эрн В. Ф. Вместо предисловия // Эрн В. Ф. Меч и крест: Статьи о современных событиях. М., 1915). Сочувствующий Эрну оппонент Н. А. Бердяев описал элементы «религии германизма», которая признает германский народ «той единственной чистой арийской расой, которая призвана утверждать европейскую духовную культуру не только усилиями духа, но также кровью и железом» (Бердяев Н. А. Религия германизма // Биржевые ведомости. 1916. № 15608. 9 июня).

Среди прочих событий следует отметить встречу Нового года в 1917 в штабе Юго-западного фронта, когда главнокомандующий армией генерал-адъютант А. А. Брусилов произнес речь, высказав убеждение, что «в этом году враг будет, наконец, окончательно разбит», наказан «за то море крови, которым он залил Европу», что необходимо убить в немцах «злую силу милитаризма». «А сила эта, — добавил Брусилов, — действительно злая. Все народы признают, что есть лишь один общий Бог, сотворивший вселенную. Немцы же говорят, что их бог особый, их “старый немецкий бог”. Так как такого бога нет, то я полагаю, что это едва ли не сам сатана. Мы и боремся ныне с этим сатанинским богом, воплощающим ныне дух австро-германского народа. Уповаю, что Бог Единый и Праведный поможет нам его победить». На эту речь ссылался и священник Сергей Соловьев в статье «Национальные боги и Бог истинный» (см.: Христианская мысль. 1917. № 3/4), напоминая соотечественникам, что не одни немцы отрицают всечеловеческого Бога и вместо него воздвигают национального идола, но этим грешат и «многие властители дум в России, для которых борьба России и Германии есть борьба двух национальных богов», а всякий на-

циональный бог «если и не сам сатана, то во всяком случае демон». Соловьев раздражают «голоса национального самообожания» и риторика о «Червоной Руси», «Святой Софии», и он закончил свою статью призывом к соединению церквей. У В. Ф. Эрна эта битва на земле представлена как отражение битвы небесной. Подобно Гомеру, действие у которого разворачивается в двух планах: в плане божественном и в плане человеческом, Эрн формирует новый эпос. Он не может не различать явного сплетения двух планов: действия высших духовных сил и сцепления эмпирических сил истории, а потому он видит, как «двинулись рати России и в физическом плане стали кровью своею утверждать то, что в плане духовном целые века было народной святыней». Благодаря его метафизической проницательности современники отчетливо представляют, как «вверху, в планах духовных, пафос восстания на Отца встречается с пафосом возврата к Отцу — демон одного народа обнажает свой меч против Ангела другого народа, внизу же, в физическом плане, миллионные армии немцев наступают на миллионные армии русских» (см.: Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия: 1915 г. Лекция 2-я. М., 1915. Серия «Война и культура»). Подобную феноменологию войны разделял и Н. А. Бердяев, отмечавший, что постижение смысла войны ведет к пониманию того, что «все, что совершается ныне на войне материально и внешне, — лишь знаки того, что совершается в иной, более глубокой, духовной действительности» (см.: Бердяев Н. А. О «вечно-бабьем» в русской душе).

Нарушив на долгие годы мирное течение академической жизни, Первая мировая война оказала положительное влияние на творчество мыслителей, вынужденных отказаться от привычных схем и искать новые пути решения актуальных проблем. Выявление «сущности войны» породило многочисленные опыты постижения «духа народа» (как своего, так и противника), и даже привело к обсуждению темы «национального своеобразия философии» участников конфликта. Таким образом, представители О. м. России, формировавшие основные направления гуманитарного знания, науки и искусства, показали историческое, политическое, философское и богословское измерение войны, создавая идейные предпосылки для ее прекращения.

Лит.: Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997; Плотников Н., Колеров М. Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. М., 1999. С. 65–198; Дмитриев А. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М., 2001. С. 196–235; Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М., 2005; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Институт истории естествознания и техники / Отв. ред. Э. И. Колчинский, Д. Байрау; ред.-сост. Ю. А. Лайус. СПб., 2007.

В. В. Ванчугов.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ МОРСКОГО, РЕЧНОГО И СУХОПУТНОГО СТРАХОВАНИЯ ОТ ОГНЯ «ВОЛГА». Учреждено 12.11.1871 в Нижнем Новгороде для страхования пароходов, кораблей, морских и речных судов, вагонов, товаров, фрахта, страхования при морском плавании, плавании по озерам, рекам и каналам, при сухопутной перевозке, страхования от огня разного рода движимых и недвижимых имуществ.

Учредители: крупный российский нефтепромышленник, директор пароходства «Дружина», основатель Нижегородского коммерческого банка В. И. Рагозин (1833–1901), ниже-